

Глава 1

Облезлый телефонный аппарат с крутящимся диском надрывно задребезжал. Я поднял трубку, которая раньше была белая, а теперь напоминала слоновую кость с эффектом старения. Телефон стоял в моем кабинете еще со времен царя Гороха. Берег я эту реликвию, как монашка невинность, несмотря на косые взгляды коллег-оперов.

— Розыск, слушаю, Нагорный, — недовольно пробурчал я неизвестному абоненту, который так не вовремя оторвал меня от важных и никому не нужных (кроме штабистов, конечно) оперативных отчетов.

— Алло, Андрей Григорьевич! Это дежурный Иващук, у нас труп с признаками удушения, группа собирается выезжать. Спускайтесь, пожалуйста.

— Что за труп? — я еле сдержался, чтобы не плюнуть от досады прямо в трубку: вечер пятницы обещал быть долгим и насыщенным.

Если по горячим не раскроем, то рабочие дни плавно перетекут на выходные. Но я уже привык. За тридцать лет в органах кожа стала, как у носорога, а рабочий горб вырос, как у верблюда.

Темнухой меня не напугать, а работой и подавно. Просто планы были на сегодня. Следачка у нас новенькая объявилась. Только что после института МВД. Хорошенькая, как Гурченко в молодости. Глаз-

ками стреляет круче, чем молодняк из пистолета. В де-сяточку сразу.

Договорились с ней сегодня кофе выпить. Как на самого молодого сотрудника нашего управления, на «Гурченко» свалили интересное, но крайне безнадежное дело о хищении наркоты из камеры хранения муниципальной аптеки. Я это дело когда-то курировал по оперчасти. В курсе немного. Вот ей и посоветовали с матерым опером все обсудить. В кабинете я обсуждать рабочие дела с хорошенькими девушками не люблю. Договорились в кафешке встретиться. Она очень даже была не против неформальной обстановки. А я тем более: все работа да работа... Скоро забуду, для чего мужчине хвост нужен.

Но бессовестный Иващук повесил на отдел «глухаря». Вечно в его смену всякие убийства и прочие изнасилования случаются... Притягивает он к себе преступления, как портовая путана изголодавшихся моряков. Про таких дежурных мы говорим, что грешен. Уже бы давно в церковь сходил да свечку поставил. Ну или на пенсию бы свалил, дачей и курицами занялся.

— Я на своей поеду, — ответил я дежурному. — Говоря адрес и обстоятельства.

— Парк на Набережной, — ответила трубка, — труп девушки, предположительно двадцать пять — тридцать лет. Личность не установлена, очевидцев нет. Время смерти еще не знаем. За судмедэкспертом только машину отправили.

— Ясно, — я грохнул трубку о корпус телефона, в надежде, что он рассыплется.

Вдруг неожиданно захотелось его поменять. И не только его. В жизни что-то. Но чтобы построить что-то новое, надо разрушить старое. А телефон оказался крепким... Не судьба...

Я подошел к массивному серому сейфу довоенной эпохи, больше напоминавшему поставленный вертикально гроб для толстого карлика. Воткнул в скважину ключ с разлапистыми бородками (замков таких уж не сыщешь, и единственный ключ я берег) и попытался открыть. Но сейф-старик вредничал. На погоду, наверное, сегодня стояла не по сезону жаркая майская благодать. Нормальные люди к отпуску готовятся, а я с сейфом воюю. В воспитательных целях пнул его даже и пожурил:

— Что же ты, паскуда кособокая, пистолет мой не отдаешь. А мне на происшествие ехать срочно надо. Снова душегуб проявил себя. Уже третья жертва за полгода.

Сейф пристыдился своего поведения (а может, пинок в «живот» его напугал) и раскрыл скрипучую створку. Я засунул руку в черноту пасти и извлек потертую кобуру оперативки с вороненым пистолетом внутри.

— Привет, Макарыч, — я отстегнул магазин, щелкнул флажком предохранителя, передернул затвор и проверил наличие патронов.

Все норм. Можно на войну даже. Хотя для войны бы я тэтэшник выбрал.

— Вы с кем там разговариваете, Андрей Григорьевич? — в открытую дверь кабинета просочился скудоусый паренек в подстреленных и зауженных, как у танцора, штанишках и тенниске в обтяжку. Если бы не его серьезный вид и пытливые глаза, можно было бы подумать, что он не из наших, а из тех, кто на парады в Европе ходит с цветастым флагом. Но молодежь сейчас вся так одевается.

Я хотел было по-стариковски ругнуться, мол, в нашу бытность... но вовремя себя осек. Не стар я еще, полтинник только разменял (хотя, по оперским мер-

кам — это старее дерьма мамонта). Но душой я молод, как Пугачева, когда в пятый раз замуж выходила. И Моргенштерна могу послушать, и даже не пристрелить его после этого. Наверное...

— Да ни с кем, Боря, — отмахнулся я. — Пистолет я так свой называю.

— Жениться вам надо, Андрей Григорьевич, — потечески покачал головой молодой напарник. — Уже с сейфом и пистолетом разговариваете...

Мы вышли в коридор управления и направились к выходу.

— Да какие мои годы, Боря? Вот поймем душителя и сразу в загс. Ах да, невесту надо еще найти. Да только ладную и складную, а то перед женой бывшей неудобно будет. Она у меня еще та стерва.

— Что по трупам говорят? Опять душитель? — вздохнул опер, поправляя поясную кобуру. — Главк с нас головы снимет.

— Нет, Боря, головы наши им ни к чему, они задницами воспользуются. Время сейчас такое. Все через одно место решается. И любовь, и наказание. Тьфу, блин! Эх... было же раньше времечко... Ни наркоманов, ни Моисеевых. А теперь каждый второй штанишки в обтяг носит.

Я покосился на напарника. Тот заметил мой взгляд.

— Да они сели просто, а жена на утро других не погладила, — поспешил меня успокоить парень.

— Фу-ух, — я театрально схватился за сердце, — пронесло, думал, не уберет бойца. Провалился он в глубую яму.

— Нагорный! — окрикнул меня в коридоре пухлободый крепыш на коротких гномьих ножках. Мешковатый пиджак и непомерно широкий галстук смотрелись на нем, как седло на гончей корове. — Ты еще здесь? Кто у тебя сегодня дежурит?

— У меня сегодня дежурит я, — улыбнулся я толстяку.

— Мухой давай на происшествие, там комитетские подъехали, а оперов до сих пор нет. Какого хрена, Нагорный, ты так долго собираешься? — начальник уставился на меня вьедливыми глазками, словно готовящаяся к броску жирная кобра (интересно, почему не бывает толстых змей?).

— Петя, — продолжал я улыбаться. — Все норм будет, мы с товарищем лейтенантом, — кивнул я на напарника, — через десять минут там будем. Еще дежурку обгоним.

— Какой я тебе Петя? — прошипел толстяк и, сверкая глазами, стал полировать мокрую лысину измятым платком.

Жара такая, а он в пиджаке. Ну так начальник, положено ему...

Мы подошли к КПП и приложили пластиковые штуковины к окошку считывателя. Датчик турникета, признав своих, приветственно пикнул и разблокировал хромированную трубу. Расплывшийся жирной тушкой по продавленному креслу постовой, проводил нас сонным взглядом кастрированного кота, еле заставив себя оторваться от экрана смартфона.

Эх... Нормальный же парень был год назад, пока в ментовку не пришел. Стройный, улыбчивый. А сейчас с такой мордой только в регистратуре работать. Ну или в другом каком-нибудь жэке.

— Зачем вы так с Петром Сергеевичем? — спросил Борис. — Вот поэтому вы до сих пор не начальник, а всего лишь старший опер. Не молодой ведь вы уже, а бегаете за преступниками, как охотничий пес.

— Это для тебя он Петр Сергеевич, а для меня Петька-балбес. Сколько я ни учил его оперативной работе, толку ноль. Он потом в штаб перевелся и по

бумажной линии в гору пошел. Писульки строгал со скоростью отбойного молотка. Такие в системе нужны.

— И теперь он ваш начальник, — поморщился Борис.

— А ты что, не рад, что я опер и твой наставник?

— Рад, конечно, — лейтенант зажевал нижнюю губу, словно хотел ее медленно съесть. — Но мне кажется, что вы, Андрей Григорьевич, достойны большего. С вашей хваткой вы бы могли...

— Кабы у бабушки были яйца, то она была бы дедушкой, — прервал я сетования подопечного. — Боря, ты пойми. Каждый должен заниматься своим делом. Кто-то бумажки писать, а кто-то преступления раскрывать. Не уйду я с «земли» в кабинет с портфелем. Не мое это, дрочить на приказы, распоряжения, решения коллегий и прочую крайне нужную и важную мудоту. Я лучше пойду лишнюю кражонку раскрою. Ну или заведу себе нового информатора на перспективу, а лучше двух.

— Ясно, — кивнул летеха и, усевшись за руль служебной «приоры», врубил свой любимый «Роллинг стоунз».

Я развалился на заднем сиденье и ушел с головой в бзыкающий телефон. Писала бывшая, опять трясла деньги на срочные покупки для нашей дочери. Песня старая: алиментов ей не хватает, а я скотина такая на бюджетной зарплате всю жизнь просидел и на работе пропадаю. А она на меня всю молодость угробила и Ваське рыжему отказала, а он сейчас перец модный: два магазина и ларек на рынке держит. Раз в год семью в Турцию вывозит, а по выходным в боулинг берет. Что же она, дура-то, со мной связалась. Ну в одном я с ней согласен. Что дура.

Бывшая супружница приправила сообщения фотками доченьки. Знает, как меня зацепить. Я полистал

экран, зашел в приложение банка и скинул почти последнее. Мне не жалко. Если знать, что для дочери...

«Приора» вырулила на набережную. Раскидистые тополя уже начали посыпать улицу пухом. Рабочий день подходил к концу, и люди спешили затариться пивом, закуской и презервативами. Возле новой шаурмачной даже образовалась небольшая очередь за роллами. Сейчас их все катали. Скоро бабушки на остановках, что семечки продают, тоже роллами торговать будут. А, нет... Нет сейчас тех бабулек. Супермаркеты их вытеснили. Теперь кулек семок можно на каждом углу купить. С солью простой, морской и высушенной из слез розового единорога. Все есть, только бабосики отстегивай.

Тормоза скрипнули, и я чуть не припечатался лбом в спинку переднего сиденья:

— Боря! Кто тебя парковаться учил?

— Извините, Андрей Григорьевич, засмотрелся.

Я перевел взгляд в окно. По набережной, виляя ягодицами, плыла длинноногая барби с губами утконоса.

— Ну ничего так, — одобрительно кивнул я. — Особенно если губы накрыть чем-нибудь. Скотчем там...

— Да я не на девку засмотрелся, — налился краской малец. — Там народу собралось сколько. Видите?

— Пошли скорее, — я распахнул дверь. — Проверяющие с главка набежали. Вперед нас приехали. Хорошо это.

— Попадет нам? — обеспокоенно спросил Борис.

— Да не-е, — следы затопчут.

Я приподнял полосатую оградительную ленту, которую подпирала толпа, и нырнул под ней. Борис юркнул за мной. Мы приблизились к зарослям ивы, в ко-

торых роилась разнокалиберная толпа. Пара мужчин в солидных костюмах (прокурорские), еще двое в жилетках со светоотражающей надписью «Следственный комитет» (а то так не видно, что следаки, надо же жилетки надеть), проверяющие, ответственные от руководства и другие важные писи из Главного краевого управления.

Я раздвинул их плотные ряды своими широкими плечами и очутился в центре места происшествия. На примятой траве под раскидистой ивой лежала девушка с пунцовым лицом. Шея неестественно вывернута, глаза открыты. Короткое платье чуть прикрывает бедра. На шее багровая полоса. На талии красная лента, похожая на поясок. Губы небрежно покрашены ярко-красной помадой.

— Что скажешь, Никитич? — обратился я к седовласому мужичку в старомодном пиджаке и огромных очках, напоминающих глаза всезнающей совы.

Судмедэксперт перестал ощупывать труп. Поправил латексные не по размеру большие перчатки и обернулся:

— А-а-а, Григорич. Да все то же. Смерть от асфиксии. Видимых следов полового насилия нет. Кости целы. Ушибы и царапины, что на теле есть, — в ходе борьбы образовались. Странгуляционная борозда на шее скорее всего вот этим поясом оставлена, что на убитой. Время смерти — несколько часов. С ночи здесь лежит. Заросли густые, и тело только сейчас влюбленная парочка обнаружила. Хотели в кустиках уединиться, а тут уже занято.

— Как всегда, — выдохнул Борис. — Красный пояс на каждой убитой девушке. Он же орудие преступления.

— Да, Боря, — кивнул я. — Маньяк у нас объявился. Душит красной лентой, которую потом на поясе жертвы оставляет.

Я повернулся к ботанического вида парнишке в нелепых очках и узких джинсах с лейблом «Коллинз». Парняга усердно елозил флюковым зондом (палочка, похожая на ватную) по запястьям трупа.

— Коля, — окликнул я криминалиста. — Ты что там ищешь?

— ДНК преступника, Андрей Григорьевич, может оставаться на теле жертвы в местах их плотного контакта.

— Так ты не там, Коля, мажешь.

— Нет, Андрей Григорьевич. Полового контакта не было, а за запястья преступник ее хватал, однозначно. И рот рукой закрывал. Потому что никто ничего не слышал.

— Ну давай, Коля, на тебя надежда. Ты эту ДНК по базе геномной регистрации пробей. Там уже много жуликов числится. Особенно убийцы и другие извращенцы. Их сейчас на зоне поголовно типируют.

— Да знаю я, Андрей Григорьевич, сделаю все, как надо. Завтра к вечеру будет результат.

— Нет, Коля. Сегодня надо.

— Ну... Если начальник прикажет, то я постараюсь. Но анализ ДНК — процесс не быстрый. Вообще он месяц делается.

Вот поколение пошло. Не хочет работать за идею. Все только через пинок, окрик начальства или левую денежку.

— Я тебя, Коля, попрошу сегодня провести анализ.

— Это долго, — замотал эксперт перегруженной академическими знаниями головенкой на тонкой шее.

— Ты мне не рассказывай. Я в вашем отделе два года проторчал, когда меня из оперов турнули и спрятали в экспертах. Ты еще в то время в школе тройки получал и курил втихаря в туалете. Знаю я вашу эту амплификацию-шмалификацию. Когда надо — вы за

день сделаете. Тем более один объект. Ты уж пострайся, с меня пиво.

— Хорошо, — поджал губы эксперт, он совсем забыл про мое недолгое криминалистическое прошлое, когда я трудился экспертом, прячась от прокурорского гнева (сынка зама прокурора принял с наркотой и отпустить не захотел).

Сынка в итоге оправдали, дело развалилось. Нашелся человек, который на себя все взял. А я приобрел бесценный опыт работы в самой интеллигентной и научно-подкованной службе полиции. Нравилось мне там в следах и окурках копошиться. Вот только адреналина не хватало. И начальство не по-ментовски спокойное, аж бесит. Не матерится и не увольняет каждую планерку.

— Ты еще, Коля, поясок на анализ возьми, — дал я указание криминалисту. — Эту вязочку душегуб с собой припер. Не в первый раз уже трупы с такой меткой находим. И помада у всех жертв на губах красная. Но намазюкана, будто уже посмертно убийца им макияж делал. И ленточки все красные почему-то. Два раза это совпадение, а три — система.

Я плюхнулся в скрипучий продавленный диван и ткнул облезлым пультом в потускневшую плазму. Наконец я дома. Пахло недельным мусором (завтра, бляха, точно вынесу, Макарычем клянусь) и магазинными пельменями. Поужинал я на славу: тридцать штук с бульончиком, перчиком и кетчунезом. Целый день, как гончий хомяк в колесе, зато вечером оторвался. Ударил по поджелудочной покупными полуфабрикатами.

На первом канале в кадр выпрыгнула девица. Она усердно втягивала и без того плоский живот, выпячи-

вая при этом силиконовые вложения. Вертела бедрами, утянутыми в мини, когда показывала направление движения циклона из Новосибира в Хакасию. Передачи с прогнозом погоды потихоньку превращались в стрип-шоу. Пузатенькие мужчинки в роговых очках канули в Лету. С ними я хоть мог реально уловить завтрашнюю температуру, причем сразу в нескольких регионах страны. А с этой я так и не понял, завтра дождь будет или опять соврет.

Я вытащил из холодильника бутылку ячменного. На запотевшем коричневом стекле этикетка зазывала элитной рецептурой, разработанной аж от десятого колена времен сотворения яйца из курицы в старых добрых традициях пивоварен индейцев майя. Я почитал состав и поморщился. Раньше пиво одно было — «Жигулевское». А теперь много дерьма развелось. Я свернул пробку и сделал несколько глотков. Для порошкового ничего так.

Телевизор внезапно громко заиграл. Началась реклама самых нужных вещей на свете. Светящаяся и скачущая от счастья Бузова мелькала в белом, выставляя напоказ белые выпуклости. Я потянулся за пультом, когда зазвонил мобильник. Драматичный саундтрек из «Профессионала» возвестил, что меня домогается работа. Такой звонок стоял на все контакты с Управления.

Я со вздохом сожаления отставил бутылку на обшарпанный журнальный столик (который в прошлой жизни был детским с росписью под хохлому с петушками) и нажал на кнопку приема. Да, да, кнопку. Не люблю смартфоны (хотя служебный у меня смартфон). Через них за мной америкосы следят. И бывшая с ними... Не зря она от Хемингуэя прется и «Титаник» пересматривает. А еще она знает, кто президент США. Я после Моника Левински сбился.